

О ПОДАРКАХ, КОТОРЫЕ ДАРИТ ГИАЦИНТОВА

Кадр из телеспектакля «Осенних дней очарованье».

Словно бы ничем не манило, ничего особенного заранее не обещало скромное и даже какое-то застенчивое название телеспектакля В. Сергеева «Осенних дней очарованье». Но после многодневного и довольно-таки бессодержательного, утомительного мелькания эстрадных звезд в новогодние дни (а потом и в первые дни нового года) вдруг зрители получили большой, неожиданный и тем более радующий подарок.

Это Софья Владимировна Гиацинтова в роли немолодой и несколько чудаковатой музыкантши Ксении Николаевны, которая вдруг дала объявление в газету о продаже редчайшей граммофонной пластинки с записью Шалаяпина, для того чтобы... Впрочем, стоп!..

Пластинка (действительно редчайшая!), во-первых, разбита — о чем Ксении Николаевне не было известно, — а во-вторых, та пластинка, которая все же уцелела (кстати, тоже очень старинная), оказывается всего лишь предлогом, который придумала Ксения Николаевна, чтобы встретиться у себя дома с новыми людьми... Вообще — с людьми.

Если совсем коротко изложить смысл происшедшей не очень долгой, но чрезвычайно многими неожиданностями и осложнениями встречи, то для нас этот смысл прежде всего в узнавании самой героини... Самой Ксении Николаевны... В узнавании ее нестарющей души и богатого сердца.

Одинокая скромная женщина со всеми ее причудами и странностями, со всей историей ее простой и совсем непростой жизни, отданной музыке, искусству, созерцанию прекрасного в людях и природе, — вот центр повествования, очень бережно и точно выявляемый режиссером телеспектакля.

Василий Иванович Давидчук, поставивший этот спектакль в Останкине, строит все мизансцены так искусно, что зритель как бы сам по себе постигает главное: психологию

ческую сущность и Ксении Николаевны, и ее родственников, и ее «гостей». Впрочем, явных хищников и приобретателей здесь не так уж много. Их конкуренция между собой, их погоня за бесценной шалаяпинской пластинкой кончается ничем. Ведь той самой — действительно бесценной — пластинки уже нет: от нее сохранилась только этикетка. Разгадывают «обман» двое студентов — любящая пара, которые пришли, разумеется, не за покупкой, а просто чтобы послушать шалаяпинское пение... Эти-то двое — музыкально одаренные, бескорыстные, любящие друг друга молодые люди — и становятся для Ксении Николаевны желанными гостями. В них видит своих настоящих друзей героиня Гиацинтовой: они ей и по сердцу и по душе. И как же тепло, искренне она им рассказывает о той давней своей, самарской, поистине волшебной, незабываемой встрече с Шалаяпиным!

Юная таперша в дешевом, насквозь промерзшем кинотеатре «Луч», она прямо-таки обмерла, растерялась, увидев Шалаяпина, пришедшего петь, сбросила с головы шапочку, — не знала вообще, как быть, что делать... А Шалаяпин подошел, надел на нее сброшенную шапочку, старательно завязал длинные ушки этой шапочки... Сейчас Ксения Николаевна так же бережно, аккуратно надевает шапочку на свою славную молодую гостью, завязывает ушки. Дарит...

Тогдашняя юная таперша и сегодняшняя студентка — они словно сверстницы; обе наделены безошибочным, чутким сердцем. Чувством дружбы... Добротой.

Таков один из подарков Гиацинтовой, поразительно сыгравшей Ксению Николаевну. Впрочем, были еще и другие подарки. А если сказать точнее, то актриса в продолжение всей этой картины непрестанно дарит зрителю самое себя, свой по-прежнему огромный, замечательный талант.

— Долго ли вы работали над ролью,

Софья Владимировна? — спрашиваю я актрису.

— Да нет! Как-то очень быстро я с ней сжилась, — совсем молодым голосом отвечает Гиацинтова. — Пьеса сразу привлекла. В ней хороший моральный запас человечности, душевная отзывчивость... Все это сейчас нужно людям! Наверное, нельзя с ними говорить только о рациональном. Нужен пример какой-то живой сердечности, внутренняя широта...

— Однако же в свое время ваша Моль в одноименной пьесе Погодина на сцене Театра имени Ленинского комсомола действовала как раз «от обратного», — говорю я. И мы долго и с удовольствием вспоминаем с Софьей Владимировной многие прекрасные спектакли этого театра, где она играла незабываемо. Конечно, вспоминаем и крупно вылепленный Гиацинтовой образ матери В. И. Ленина — Марии Александровны... Потом я спрашиваю Софью Владимировну о нынешней ее работе в Театре имени Ленинского комсомола. Ведь она отдала ему не только лучшие годы жизни, но, можно сказать, всю жизнь.

— Да что вы, что вы! — восклицает уже несколько иронически Гиацинтова.

— Теперь там совсем другая труппа: я им вроде бы и ни к чему, только числюсь в труппе!.. Теперь у этого театра вообще какой-то совсем другой стиль, другие — порой очень странные — задачи... Короче говоря, я не им нужна...

...Как же это трагично — услышать вдруг такие слова от народной артистки СССР, художника сцены с мировым именем.

В историю советского сценического искусства С. В. Гиацинтова вписала не просто отдельные, крупно вылепленные ею работы. Она создала свою артистическую манеру, свое понимание жизни Актера в Театре.

Она была и есть Гиацинтова... Этим все сказано!

Н. ТОЛЧЕНОВА